

СОБРАЛ

ДМИТРИЙ БЫКОВ

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва
2020

УДК 882-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
ТЗ1

Составители *Дмитрий Быков, Наталия Догаева*
Предисловие *Дмитрия Быкова*
Рисунки художника *Александра Храмова*

ТЗ1 **Телега жизни** / [сост. Дмитрий Быков, Наталия Догаева]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с. — (Поэзия подарочная).

ISBN 978-5-04-101085-0

Действительно ли все мы замкнуты в границах своих возрастов? Известно, что первые 25 лет — время для игр, вторые — для опыта, третьи — для раздумий и выводов, а четвертые — для мудрости. Собрав вместе с Дмитрием Быковым знаковые поэтические размышления русских поэтов XVIII—XXI веков о возрастах: юности, молодости, зрелости, старости — в одну книгу, мы уверены, что читатели перестанут волноваться из-за своего возраста и будут праздновать каждое мгновение жизни, ведь у каждого возраста есть свои преимущества.

Почему стоит прочитать эту книгу? «Потому что время и то, что оно делает с человеком, — важнейшая тема искусства, и то, как поэт защищается от соблазнов молодости, разочарований зрелости и прямых угроз старости, — замечательный пример творческого преобразования жизни...» *Дмитрий Быков.*

УДК 882-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Антокольский П.Г., наследники, 2020
© Ахмадулина Б.А., наследники, 2020
© Быков Д.Л., стихотворения, предисловие, состав, 2020
© Ваншенкин К.Я., наследник, 2020
© Винокуров Е.М., наследник, 2020
© Вознесенский А.А., наследники, 2020
© Гандлевский С.М., 2020
© Гребенчиков Б.Б., 2020
© Догаева Н.В., состав, фото, 2020
© Евтущенко Е.А., наследник, 2020
© Искренко Н.Ю., наследники, 2020
© Кабыш И.А., 2020
© Капович Е.Ю., 2020

© Кушнер А.С., 2020
© Лосев Л.В., наследники, 2020
© Межиров А.П., наследник, 2020
© Окуджава Б.Ш., наследник, 2020
© Рождественский Р.И., наследники, 2020
© Рязанов Э.А., наследник, 2020
© Самойлов Д., наследники, 2020
© Соколов В.Н., наследник, 2020
© Слепакова Н.М., наследник, 2020
© Слуцкий Б.А., наследник, 2020
© Тарковский А.А., наследники, 2020
© Тушнова В.М., наследник, 2020
© Чуковский К.И., наследник, 2020
© Шпаликов Г.Ф., наследник, 2020
© Эренбург И.Г., наследники, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-101085-0

Предисловие

Один из парадоксов мировой лирики: больше всего стихов написано про старость. Вы думали, про молодость? Нет. Стихи ведь обычно и пишутся в юности: как сказал один из авторов этого сборника, Александр Межиров, — «Есть правило, оно бесповоротно, всем смертным надлежит его блюсти: до тридцати поэтом быть почетно и срам кромешный — после тридцати». В молодости о молодости не пишут, как здоровый не замечает здоровья: оно просто есть. Ну разве что, в порядке кокетства, когда исчерпаны прочие темы, поступают в духе Ленского: «Он пел увядший жизни цвет без малого в осьмнадцать лет».

Иное дело старость: это время сетований, во-первых, и честных признаний, во-вторых. Как сказал однажды Шкловский Лидии Гинзбург, «В старости вы перестанете бояться и напишете правду», что она и сделала (впрочем, писала ее и в молодости, но — в стол). Я как-то спросил об этом парадоксе Кушнера, его стихов в этой книжке тоже много:

почему вдруг оказалось, что старение — самая поэтическая тема? Очень просто, сказал Кушнер, закуривая любимую свою крепкую сигариллу. Лучшие стихи пишут о том, чего боятся. Поэт же, в общем, как моллюск: попала к нему острая песчинка — он ее обволакивает перламутром, чтобы не кололась. Ну и получается жемчуг. А старость — сильно колетса, причём всю жизнь. И прочел из нового:

Припадая к кустам, глядя вслед облакам,
Помня все, что манило и грело,
Поучись у Рембрандта любви к старикам —
Это горькое, трудное дело.

Хуже старости, кажется, нет ничего,
Только смерть, да и та — не намного.
Но похоже на подвиг искусство его,
А старик пожалеет и сам хоть кого,
Хоть тебя: не грусти, ради Бога!

И когда отойдешь от того старика,
Не забудь, обречен на разлуку,
Как в венозных прожилках сжимает рука
Его правая — левую руку.

Вот, кстати, хоть и написано это в 81 год, а очень хорошо. Есть немногие счастливицы, которые в старости испытали расцвет; есть и те, кто молодости стыдились, вообще не печатались, опубликовали

первые подборки в почтенном, по меркам XIX века, возрасте — около сорока. Лев Лосев, скажем, известный молодым друзьям как Лифшиц и вошедший в литературу под псевдонимом. Лосев, которого Синявский назвал последним обэриутом, позволял себе такую дерзость, до какой молодым далеко, — а все почему? Бояться нечего. «И не пристало мне под старость лет собою подпирать милицанера» — кто еще рискнул бы наговорить коллегам столько дерзости? А про Фуко как он высказался? И все потому, что был уже свободен от дежурного пиетета к «кому положено», свободен от любви и от плакатов, сказал другой поэт, всю жизнь дико боявшийся старости и, говорила его возлюбленная, покончивший с собой от этого страха.

Молодость, что и говорить, поэтическое время — но лишь в том отношении, что сил много, все кипит от избытка чувств, любовь на каждом шагу (в этом, кстати, есть некоторая проблема — гормоны заслоняют мир, в стихах молодых тесно от авторской личности, туда с трудом впихивается еще любимый/любимая, но посторонним места нет: молодость близорука, людей не видит, видит себя. Автор этих строк самокритично описал это состояние еще в относительной юности: «Юность смотрит в телескоп. Ей смешон разбор детальный. Бьет восторженный озноб от тотальности фатальной, и поскольку бытие

постигается впервые, то проблемы у нее большей части мировые. Так что как ни назови — получается в итоге все о дружбе и любви, одиночестве и Боге... Юность пробует парить и от этого чумает, любит много говорить, потому что — не умеет... Зрелость смотрит в микроскоп, мимо Бога, мимо черта, ибо это — между строк. В объективе — мелочовка. Со стиральным порошком, черным хлебом, черствым бытом, и не кистью, а мелком, не гуашью, а графитом. Побеждая тяжесть век, приопущенных устало, зрелость смотрит снизу вверх, словно из полуподвала, и вмешает свой итог — взгляд прицельный, микроскопный, — в беглый штрих, короткий вздох и хорей четырехстопный». Собственным четырехстопным хореем автор желал подчеркнуть, что созрел, хотя было ему лет, что ли, 25.

Зрелость — самое непоэтическое и, сказал бы я, даже антипоэтическое время. Многие поэты после тридцати-сорока умолкают и переживают новый взлет уже в «третьем возрасте»: лета к суровой прозе клонят, как-то стыдно становится баловаться рифмой, трезвость заставляет все чаще смотреть на вещи с отвращением, а это стало востребованной поэтической эмоцией лишь у Некрасова и Бодлера, почти одновременно. Не самая популярная тема, прямо скажем. Зрелость как-то чурается публичности, о чем Пастернак в том самом возрасте — став-

шем для него и порогом самого серьезного кризиса, — сказал честно: «Мне по душе строптивый норов артиста в силе. Он отвык от фраз, и прячется от взоров, и собственных стыдится книг». Зрелость — возраст промежуточный, подлинно переломный, о чем лучше всех — у Нонны Слепаковой: «Я вся еще наполовинная, и между двух своих времен иду, колеблясь и лавируя, как на ходу через вагон». Иногда именно зрелость создает шедевры, но шедевры эти скупы и малочисленны — как, вероятно, и быть надлежит: может быть, потому, что человек, достигнув своего плато, предпочитает об этом не распространяться. Поэты ведь говорят о дискомфорте, тогда как акмэ — период относительного равновесия.

Старость — это и есть, если вдуматься, идеальное время для стихов, но беда русских поэтов в том, что они до нее не доживали. А если доживали, как Вяземский, — какой тут начинался пир откровенности, как высказывалось все наболевшее, как отбрасывалось всякое кокетство (хотя иные продолжали кокетничать и тогда, и в этом появлялся своеобразный надрыв)! Старость может облагородить почти все, даже любовь, — оно конечно, «смешон и ветренный старик», но в этой смехотворности есть особая трогательность и боль. Писать стихи должны «старый да малый» — у той же Слепаковой об этом замечательные стихи: «Ребенок входит, озираясь, старик

уходит, разбираясь... И в робкой, шаткой их судьбе пыльца мерцает золотая — их неприкаянность святая, их неуверенность в себе». И Лосев, друг ее и ровесник, ей вторит:

Ребенку жалко собственного тела
слезинок, глазок, пальчиков, ногтей.
Он чувствует природу беспредела
природы, зачищающей людей.

Проходят годы. В полном камуфляже
приходит Август кончить старика,
но бывший мальчик не дрожит и даже
чему-то улыбается слегка.

Это бесстрашие старости — тема множества превосходных стихов, и потому третий раздел этой книги представляется мне самым сильным. Вообще образ молодого поэта, «юноша бледный со взором горящим», — по нашим временам анахронизм. Поэт позже созревает, дольше живет («срок жизни увеличился, и может быть, концы поэтов отодвинулись на время», — предупредил Высоцкий, который был рассчитан надолго и к старости готовился всерьез), да и вообще подлинная мудрость редко посещает молодую бесшабашную голову. Блажен, кто вовремя созрел — а не мучился от преждевременной зрелости и даже «охладелости», как Лермонтов. Гармо-

ничная и мудрая старость прекрасна, ибо, как написал Юлий Ким, — «Ну, а с чем уже ничего не поделаешь, с тем уж точно не поделаешь ничего». Но чрезвычайно интересна — и в каком-то смысле более привлекательна — старость непримиренная, неудовлетворенная, не играющая в патриаршество, равнодушная, озлобленная даже: есть свое мужество в том, чтобы и в старости ругаться, и даже ругаться больше. В конце концов, облагораживаются же старостью всякие антикварные предметы, служившие образчиками кича: фарфоровые балерины, пионеры, котики, эстампы с усачами и полуобнаженными красавицами... Даже старый автомобиль перестает быть рухлядью и становится музейным экспонатом, за который убиваются коллекционеры. Так что «Старый поэт» из стихотворения Новеллы Матвеевой, при всех его ошибках, интересней себя молодого.

Почему мы с Натальей Розман, любимым моим редактором, собрали эту книгу? Потому что время и то, что оно делает с человеком, — важнейшая тема искусства, и то, как поэт защищается от соблазнов молодости, разочарований зрелости и прямых угроз старости, — замечательный пример творческого преобразования жизни. Поскольку вовсе не задумываться о возрасте и о том, что после тебя останется, способен лишь безнадежный оптимист или врожденный дебил (что в сущности почти синонимы), люди вы-

нуждены оглядываться на свой путь и — если у них есть разум — почти всегда разочаровываться. Поэзия существует не для того, чтобы эту эмоцию отменить, но чтобы ее перевести в иной регистр, чтобы извлечь из нее музыку. Тот, кто купит эту книгу, перестанет тяготиться своим возрастом и станет им наслаждаться. Потому и цена ее установлена издательством в расчете на то, чтобы стихи были одинаково доступны пионеру и пенсионеру — главным потребителям и производителям шедевров.

Дмитрий Быков

Гавриил Державин

1743–1816

Четыре возраста

Как светятся блески
На розе росы, —
Так милы усмешки
Невинной красы.
Младенческий образ —
Вид в капле зари.

А быстро журчащий
Меж роз и лилей,
Как перлом блестящий
По лугу ручей, —
Так юности утро,
Играя, течет.

Река ж или взморье
Полднейной порой
Как в дол иль на взгорье
Несется волной, —
Так мужество бурно
Страстями блесит.

Но озеро сткляно,
Утихнув от бурь,
Как тихо и важно
Чуть кажет лазурь, —
Так старость под вечер
Стоит на клюке.

Сколь счастлив, кто в жизни
Все возрасты вёл,
Страшась укоризны
Внутрь совести, зол!
На запад свой ясный
Он весело зрит.

1805

Александр Пушкин

1799–1837

Телега жизни

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел! ...* мать!

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

* Слово на букву «е».